

**РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ КУПЦЫ — ПОСТАВЩИКИ
БУМАГИ НА МОСКОВСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
(по архиву Приказа книгопечатного дела)**

Археографическая лаборатория исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова ведет постоянную работу по изучению богатейшего архива Московского печатного двора (далее — МПД), документы которого раскрывают все стороны многогранной деятельности одной из крупнейших государственных мануфактур XVII в. (кадровый состав, снабжение, производство, трудовые споры, реализация готовой продукции и др.)¹. Поскольку расходы на бумагу, как в древности, так и в настоящее время, являются основной затратной статьёй полиграфического производства, бесперебойное снабжение «книжного тиснения» этим главным типографским материалом являлось первейшей задачей Приказа книгопечатного дела. Доставка больших транспортов заморской бумаги через Архангельск, Холмогоры и Ярославль занимала много времени и требовала больших оборотных средств, что было доступно лишь весьма состоятельным купцам. Несмотря на то, что сведения о русских и иностранных продавцах бумаги, ее видах, сортах и объемах поставок постоянно фигурируют в текущей отчетности МПД, специальных работ по этому вопросу нет. Это обусловило источниковедческий характер данной статьи, в которой по публикациям документов типографского архива начата разработка данного сюжета.

Плановые расходы на бумагу за ряд лет оформлялись иногда в отдельные ведомости под названием «Покупка бумажная», как, например, это имело место в 1661–1665 гг. (Д. 65. Л. 288–316; здесь и далее в скобках указаны номера дел по 1-й описи 1182-го фонда РГАДА). В указанные годы МПД, преодолевшему финансово-экономический кризис, удалось выпустить в свет 15 новых изданий. О финансовых проблемах типографии в начале 1660-х гг. свидетельствуют постоянные реплики ее целовальника У. Т. Кушникова, который, выходя за рамки формуляра, например, в мае 1663 г. отмечал, что «на медные деньги иноземцы и русские торговые люди продают бумагу против серебряных денег ценою в тринадцатеро...» (Д. 65. Л. 156).

При производстве всех изданий использовалась исключительно иностранная бумага. Оформляя «покупку бумажную», целовальник, как правило, записывал, что она «за немецким узлом», а также «средней» или «большой руки». Типичная цена состоящей из 20 дестей (500 листов) стопы тиражной («чистой») бумаги в начале кризиса составляла 1 руб. 19 алт. 2 д. серебром. Для наладки печатной формы и получения пробных оттисков постоянно использовалась «приправочная бумага» (иногда к ее названию добавлялось оп-

ределение «битая»), цена которой была вдвое ниже «чистой» (80 коп. серебром, или 8 руб. медью за стопу).

Типичной записью разовых торговых операций может быть следующая: «171-го [1662] году декабря месяца в 22-й день куплено бумаги за немецким узлом у вологженина у Аввакума Фокина средней руки 30 стоп ценою 12 рублей за стопу на медные денги, итого 360 рублей, Аввакум денги взял [последние три слова вписаны другим почерком]. А по счету мастеровых людей в дело по 25 листов десть вышло чистой бумаги 28 стоп по 12 рублей по 25 алтын стопа, да приправочной ... стопы 3 рубли, итого за чистую бумагу 360 рублей. Учету у той бумаги полторы стопы» (Д. 65. Л. 290–290 об.).

За три года и четыре месяца — с 20 ноября 170 (1661) г. по 9 апреля 173 (1665) г. было зарегистрировано 23 акта покупки: по 5 — в 170-м и 172-м гг., 10 — в 171-м г.² и 3 — в начале 173-го г. Всего было куплено 9842,5 стопы бумаги «за немецким узлом», а в рамках производства 15 изданий, т. е. до 12 декабря 1663 г. — 6574,5 стопы, что с учетом купленных «в прошлые годы» примерно совпадает с 8107 стопами бумаги разных типов, затраченными на печатание книг. В первые два года ценовальник приобрел почти одинаковое количество бумаги — 3291,5 и 3183 стопы, что, очевидно, представляло собой устоявшуюся многолетнюю норму, однако средний размер одной покупки в 171-м г. оказался вдвое меньше предыдущего — 318,3 стопы против 658,3, а в 172-м г. за одну покупку приобреталось всего 200,6 стопы. Однако уже к середине 173-го г., когда полностью были изжиты последствия кризиса, было закуплено 2365 стоп. Таким образом, сокращение разовых закупок бумаги стало следствием резкого роста цен, гибкого приспособления к условиям поставки, когда иноземцы практически перестали ее привозить в Россию. Максимальный размер разовой покупки в 2000 стоп был зарегистрирован 26 июля 1663 г., а минимальный в 11 стоп — 14 января того же года. В основном бумага доставлялась в теплое время года водным путем (апрель–октябрь — 14 раз), реже ее привозили на санях (в декабре–марте — 5 раз); 4 поставки отмечены в ноябре.

Показательно, что из 15 продавцов бумаги 8 были «иноземцами», и на их долю пришлось более двух третей всего объема продаж — 6769 из 9842,5 стоп (69 %), причем явным монополистом среди иностранных купцов являлся голландец «Артемий Артемьев». Он заключил 7 из 23 сделок с администрацией МПД на продажу в общей сложности 5455 стоп бумаги (2 727 500 листов!), что составило 55 % от всего объема покупок. Случалось, что «Артемьев» продавал партии по 1000 и 2000 стоп сразу (21 августа 1662 г. и 26 июля 1663 г.), тогда как разовые продажи других иноземцев не превышали 400 стоп. Некоторые из продавцов записаны с обозначением страны и города: гамбургцы «Андрей Иванов», «Франц Прал Иванов» и «Петр Андреянов» из голландского города Линса, «галанец Вохромей Перов», остальные названы просто «иноземцами»: «Яков Яковлев», «Петр Де-

ладал»³, «Мартин Яковлев» и «Артемий Артемьев». По мнению П. Ф. Николаевского, ко времени полного перехода МПД в распоряжение патриарха Никона (1654–1655 гг.) основными продавцами бумаги были именно голландские купцы, к которым он относил и «Якова Яковлева» и «Мартина Мартина»⁴, так что голландцы сохраняли ведущие позиции на бумажном рынке в течение не менее десяти лет, а последние два человека имели многолетний опыт сотрудничества с московской типографией. Современные архивные разыскания, однако, убеждают, что самым старым (по крайней мере, с 1633 г.) поставщиком бумаги для МПД являлся П. П. Деладал⁵.

Семеро русских купцов, как правило, торговали бумагой сравнительно небольшими партиями, среди них преобладали уроженцы Поморья — вологжане Аввакум Фокин и Петр Исаев, каргополец Трофим Федоров Потылицын и «Пузанов Гришка с товарищи, двинские целовальники». Понятным было присутствие на бумажном рынке и москвича Ануфрия Медынцова из Овощного ряда — одного из главных центров книготорговли в столице. Из представителей отечественного крупного купечества бумагой торговал один лишь Иван Исаев, член Гостиной сотни. Только по имени назван Семен Матвеев сын Сверчков. Иногда оба вологжанина и каргополец временно объединялись для закупки, доставки и продажи типографской бумаги. Именно так они сделали, продав 7 января 1663 г. Печатному двору 205 стоп бумаги.

Один-единственный раз среди закупок рассматриваемых лет фигурирует 181 стопа «бумаги московского дела», приобретенной 20 ноября 1661 г., видимо, у «Артемия Артемьева». Данным фактом, возможно, подтверждается наличие бумажной мануфактуры в подмосковной Зеленой слободе на р. Пахре, строительство которой было неудачно начато патриархом Никоном в 1655–1657 гг.⁶ Абсолютно все бумажные покупки обозначены «за немецким узлом»; размер одной стопы определялся по европейскому счету — 24 листа в одной дести и 20 дестей в стопе. Регулярно использовались термины «средней руки», «большой руки», «дву рук», которые, видимо, имеют отношение к формату и качеству бумаги (стопа бумаги «большой руки» стоила 2,5 руб. серебром, а «средней» — 1,8 руб.). В «покупке бумажной» постоянно встречаются собственноручные расписки купцов о получении причитавшихся им сумм. Так, например, после регистрации покупки 11 стоп бумаги 14 ноября 1663 г. у Т. Ф. Потылицына следует собственноручная запись: «Трофимко Федоров денги взял и руку приложил» (Д. 65. Л. 291). Также и И. Исаев деньги «сам взял и руку приложил» (Д. 65. Л. 294–294 об.). Иногда через большой промежуток времени деньги за приобретенную бумагу получал не продавец, а его доверенное лицо. Так, за покупку бумаги у С. М. Сверчкова 2 апреля 1663 г. пять месяцев спустя (14 сентября) деньги «Андрей Виниус... взял и руку приложил» (Д. 65. Л. 295).

Иногда при покупке больших партий бумаги продавцу выдавалось письменное подтверждение полученных им сумм. Так, за всю «библейную

бумагу» (шла на тиражирование Библии), полученную 22 июня 1663 г. от «Артемия Артемьева», «росписку в тех деньгах иноземцу дал целовальник Устин Трофимов при дьяке при Иване Щепоткине» (Д. 65. Л. 296 об.). Изредка МПД авансировал часть покупки: 5 июля 1662 г. целовальник выплатил «вперед 500 рублей» медью из 1697, причитающихся «Якову Яковлеву» за 189 стоп бумаги. Расчет с продавцами больших партий бумаги, порой, происходил в несколько приемов. Так, 16 сентября 1664 г. у «Артемия Артемьева» недорого, всего по 30 алт., было куплено 685 стоп за 616,5 руб., и «того ж числа дано ему в уплату 500 рублей» (Д. 65. Л. 314); затем через полтора месяца (2 ноября 1664 г.) «Артемию уплачено 87 рублей», а 18 ноября «ему ж доплачено 29 рублей с полтиною последних денег» (Там же). В другой раз, 21 августа 1662 г., у него же было «принято... бумаги средней руки 1000 стоп за немецким узлом, денег по цене за стопу серебряных по рублю по дватцати шести алтын по четыре денги, итого 1800 рублей, и в тех денгах иноземцу Артемию Артемьеву книг печатного двора целовальник Устин Трофимов дал своею рукою росписку на срок на Рождество Христово 171-го году», после чего следует приписка мелким почерком: «деньги отданы» (Д. 65. Л. 305), следовательно отсрочка платежей составила более четырех месяцев.

Из общего ряда в «покупке бумажной» выделяется последняя запись, раскрывающая роль таможенных органов в транспорте импортной бумаги: «173-го году [1665] апреля в 9 день по указу великого государя и по памяти ис Приказу Болшаго дворца за приписью дьяка Андрея Селина на книжном печатном дворе у двинских целовальников у Гришки Пузанова с товарыщи бумаги за немецким узлом тысячу книжной стоп, 500 стоп пищи, принял тое бумагу на книжной печатной двор целовальник Устин Трофимов, *принел 1500 стоп бумаги за немецким узлом и руку приложил*» (Д. 65. Л. 316; текст, выделенный курсивом, написан самим целовальником). Поскольку в данном случае ничего не говорится о цене товара, то, видимо, эта бумага принадлежала царской казне и была передана типографии.

Получив бумагу, приступали к ее сортировке на тиражную и приправочную, причем для обработки больших партий бумаги по договору нанимались специальные бригады станových мастеровых. Эта процедура обозначалась словами «а по щету мастеровых людей в дело по 25 листов в дести вышло чистой..., приправочной...». При этом стоимость той и другой бумаги надо было так сбалансировать, чтобы итоговая сумма не отличалась от первоначально уплаченной продавцу. Такой расчет был необходим для включения соответствующих бумажных расходов в материально-финансовые отчеты об издании каждой новой книги. По завершении большинства торговых сделок в результате сортировки купленной бумаги определялся размер ее «учета», т. е. сокращения количества номинальных стоп в результате их перевода из немецкого (24 листа в дести) в русский стандарт по 25 листов в дести.

В последней четверти XVII в. заметно возросла роль русских купцов в снабжении Печатного двора бумагой. В этом плане показательны, что по имеющимся в нашем распоряжении документам типографии за 1674–1691 гг. основной объем бумажной поставки был произведен пятью «кадашевцами» (посадскими людьми московской Кадашевской слободы), которые привезли на Печатный двор столько же бумаги, сколько остальные продавцы⁷. На протяжении 17-летнего временного отрезка кадашевцы поставляли типографии бумагу в 1674, 1685 (дважды), 1689 и 1691 (дважды) гг. За исключением первой поставки 48 стоп бумаги «русского дела», произведенной 25 июня 1674 г. членом Гостиной сотни Максимом Филиппьевым сыном Верховининым, остальные партии приходили в январе–феврале (с 1 января по 11 февраля), что свидетельствует о более активном использовании санного пути по сравнению с началом 1660-х гг. Всего слобожане сдали Приказу книгопечатного дела 10 партий различных сортов бумаги, в основном «заморского» («немецкого») дела, насчитывавших в общей сложности 11 212 стоп, или 5 381 760 листов! Если малые партии бумаги (десятки и сотни стоп) приобретались у поставщиков, так сказать, явочным порядком, то большие — «по уговорной записке», т. е. по предварительному письменному договору. В последнем случае приемка бумаги осуществлялась «против образцовых листов», оставленных купцом при подписании делового соглашения («образцы взяты в приказ»). Приняв от купцов крупную партию бумаги, руководство Приказа книгопечатного дела по устоявшейся практике организовывало ее «счет» — сортировку на «чистую», приправочную и «битую», то есть испорченную при перевозке и годную только для упаковки отпечатанных книг⁸. Показательно, что и в эти годы при пересчете сотен тысяч листов результаты всегда точно соответствовали заявленному объему, что свидетельствует о добросовестности предпринимателей. И лишь после завершения этой важной процедуры приказ выдавал деньги продавцам, за что сами купцы или их уполномоченные лица расписывались в специальной расходной ведомости («в деньгах расписка в столпу» или «расписка в окладном расходном столпу»). Затем по распоряжению дьяка подьячие принимали бумагу «в казну» и по запросам наборщиков передавали ее в производственные цеха («палаты»), где стояли печатные станы.

Фирменными знаками для импортной бумаги являлись водяные знаки, изображавшие, например, львов («под левики») или шута («под дураком» и др.). Цена бумаги, устанавливаемая в зависимости от ее качества и формата, колебалась от 80 коп. до 1,3 руб. за стопу. (Для сравнения укажем, что в то время, например, пуд коровьего масла стоил в Москве 3,6 руб., четверик пшеничной муки — 2 руб., аршин холста — 30 коп.). Так что этот заморский товар был весьма дорог, а отпечатанные на такой бумаге книги (за исключением копеечных Азбук) были очень недешевы. Например, первое московское издание Библии 1663 г. продавалось по 5 руб. серебром за один экземпляр,

что равнялось стоимости десяти телег. Высокое качество бумаги для книжной печати обозначалось словом «добрая».

Персональный вклад кадашевцев в снабжение МПД бумагой выглядел следующим образом. Вторая поставка М. Ф. Верховининым 482 стоп заморской бумаги по цене 1,3 руб. за стопу на сумму в 626,6 руб. имела место 11 февраля 1691 г., причем сделка была оформлена не им лично, а его торговым агентом («сидельцем») Григорием Леонтьевым, что лишний раз подтверждает высокий профессиональный и социальный статус этого человека. Чаще других (трижды) в аналогичных торговых операциях фигурировал «торговый человек Овощного ряда» кадашевец Ларион Артемьев, который 12 января и 11 февраля 1685 г. поставил соответственно 50 и 1475 стоп. 1 февраля 1691 г. он вместе с Иваном Логиновым и Феокистом Константиновым реализовал огромную партию «немецкой» бумаги в 4800 стоп. Судя по всему, Артемьев был неграмотен, так как за его сделку с типографией от 11 февраля 1685 г. расписался Феокист Константинов (вероятно, единственный грамотный из поставщиков-кадашевцев). Последний, надо полагать, возглавлял состоявшую из вышеуказанных трех лиц купеческую артель, поскольку 1 января 1689 г. было зарегистрировано сразу две сделки на 3989 стоп, продавцами которых выступили Константинов «с товарищи». В феврале 1691 г. на Печатный двор 283 стопы «заморской» бумаги привез Федор Харитонов, представлявший китайгородский Книжный ряд⁹. Соответствующий профиль предпринимательской деятельности подтвердился его участием в обеспечении Типографской школы («Школьной палаты») учебными пособиями, о чем свидетельствует другая расходная запись за 1683 г. (в ней он представлял уже Овощной ряд)¹⁰. Сравнение этих записей позволяет сделать важный вывод об идентичности Книжного и Овощного торговых рядов Китай-города и подтверждает наблюдение о ведущей роли как минимум двух овощных рядов в столичной книготорговле всего XVII в.¹¹ Ярким свидетельством значительных оборотов представителей овощных рядов может служить максимальная (в 5730 стоп) покупка МПД по четырем образцам типографской бумаги, произведенная 15 января 1696 г. у тяглеца московской Казенной слободы Григория Овощникова (!) на сумму в 7735,5 руб.¹²

У торговых людей овощных рядов можно было приобрести не только печатные и рукописные книги, но также писчую бумагу и канцелярские принадлежности. Для этого у Приказа книгопечатного дела скупалась не годная для типографского дела бумага. Например, 18 и 20 января 1654 г. И. Никифоров, С. Никулин и А. Медынцов купили в типографии соответственно 20 стоп, 19 стоп и 19 дестей уцененной бумаги на общую сумму в 61,4 руб., а 25 января А. Медынцову и М. Галактионову «с товарищи» по 65 коп. за стопу было «продано самой худой топлрой и битой бумаги 133 стопы 19 дестей»¹³. Столь большие закупки сравнительно недорогой и вполне годной для письма бумаги косвенным образом подтверждают грамотность

значительной части московского посадского населения, покупавшего бумагу для ведения деловых записей, писем, челобитий и т. п. Интересной чертой торговых операций Овощного ряда следует признать поставку на МПД «харатейных», т. е. рукописных пергаменных книг. Пергамен, являвшийся дорогим материалом, использовался «на заклеюку фрашкетом»¹⁴. Видимо, такие старинные рукописи были дефектны и неполны, поскольку покупались только ради несущего их пергамена по бросовой цене — по 2 коп. за тетрадь¹⁵.

Менее подробные, но более массовые в плане персонального учета сведения о поставщиках бумаги содержатся во многих сохранившихся финансовых отчетах типографии о производстве каждого нового издания. В них строго учитывались объемы и расходы на все виды тиражной и приправочной бумаги, причем часто с указанием продавших ее купцов. По этим данным за 1651–1675 гг.¹⁶ выявлено 29 продавцов бумаги, абсолютное большинство которых (19 человек, или 66 %) были русскими. Это восемь ярославцев (Иван Белуха, Авраам Фаддеев сын Воронин, Василий Иванов сын Дехть, Иван Андреев, Карп Терентьев, Сергей Григорьев сын Лисенок, Роман Титов сын Оглодаев, Иван Добрынин сын Соколов); два костромича (член Гостиной сотни Иван Васильев, Филипп Васильев сын Переславцев), а также вологжанин Тит Акиншов и переславец Бажен Константинов. Остальные десять человек, скорее всего, были москвичами, хотя как «москвитин» среди них указан лишь один Василий Кузмин. Москвичом был и бывший целовальник МПД, член Гостиной сотни Иван Иванов сын Константинов. Москвичами были, вероятно, члены Гостиной сотни Петр Филиппов сын Облезов и Андрей Кириллов сын Ростокин, а также Карп Иванов, Андрей Сорокин, Алексей Степанов сын Суханов, Трофим Селиванов, Ларион Харитонов и Василий Яковлев сын Шишкин. Среди же десяти нерусских продавцов бумаги полностью превалировали голландские уроженцы: «Артемий Артемьев» — «торговый иноземец города Архангельска», «Варфоломей Варфоломеев», «Яков Павлов сын Вестов», «Петр» (из Гамбурга), «Томас Романов сын Свен», владельцы бумажной мануфактуры на Пахре Иоагган и его жена Мария Сведены, «Иван Еремеев Традел» и «Матвей Иванов сын Хошень». Абсолютное большинство купцов (16 из 29) продавали бумагу для издания всего лишь какой-либо одной книги, тогда как в издании половины книг (40 из 80) участвовало всего лишь пять человек: И. И. Константинов и супруги Сведены (по 10), «Артемий Артемьев», «Иван Традел» и А. Воронин (соответственно 8, 7 и 5 книг). Для первой группы купцов продажа бумаги, скорее всего, являлась лишь одной из составных частей (сопутствующим товаром) в их торговых оборотах. Но последние из указанных торговцев были настоящими знатоками и «монополистами» бумажного дела. Их дальнейшая деятельность на этом поприще заслуживает дальнейшего изучения...

В заключение отметим, что опубликованные нами в 2001, 2007 и 2011 гг. материалы архива Печатного двора содержат сотни документов о покупке

самых разнообразных товаров (от ниток до срубов). Среди них имеются и ежемесячные отчеты снабженцев о ежедневных типографских расходах во многих городских торговых рядах с записями названий товаров, расценок на них и имен продавцов.

Примечания

¹ См.: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1–3. — См. также: *Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исслед. и публ. М., 2001; *Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы: Исслед. и публ. : в 3 кн. Кн. 1–2. М., 2007–2011.

² Возможно, в 7171 (1662/63) г. актов покупки бумаги было больше, так как из дела вырван л. 292.

³ «Деладал Петр Петров сын, Голландской земли торговый немчин» был одним из продавцов бумаги на производство Триоди постной (1 декабря 1642 г.) и Евангелия (20 июля 1644 г.) (см.: Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: Кат. Вып. 2 / Сост. Е. В. Лукьянова. М., 2002. С. 152, 174).

⁴ См.: *Николаевский П. Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. № 1. С. 129–130.

⁵ *Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Московский печатный двор... 1618–1652 гг. С. 255–257.

⁶ В 1673 г. типография приобретала «бумагу московского дела» у Марии Давыдовой дочери Фансвединой — вдовы владельца бумажной фабрики на Пахре голландца Иоаганна Фонсведена (*Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П.* Московский печатный двор... 1652–1700 годы. Кн. 2. С. 354, 355). Документы о строительстве бумажной мельницы в 1657 г. см.: Там же. Кн. 1. С. 256–265).

⁷ Там же. Кн. 2. С. 254–264.

⁸ Поскольку основной тираж каждого издания был в «тетратех», то есть не имел переплета (а в одной тетради, как и сейчас, было 8 листов), то состоящий из нескольких тетрадей экземпляр оборачивался битой бумагой и перевязывался «мочалом».

⁹ *Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П.* Московский печатный двор... 1652–1700 годы. Кн. 2. С. 244.

¹⁰ Там же. С. 581, 582.

¹¹ См.: *Пушков В. П.* Торговая деятельность Овощного ряда Китай города в XVII веке // XII Кадашевские чтения. М., 2013. С. 169–174.

¹² *Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П.* Московский печатный двор... 1652–1700 годы. Кн. 2. С. 364.

¹³ Там же. Кн. 1. С. 254, 255.

¹⁴ Фрашкет — деталь печатного стана; тонкая железная рама, прикрывавшая печатавшийся лист, чтобы подлежащие печати места оставались открытыми (вырезанными), а пробельные — закрытыми пергаменом.

¹⁵ *Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П.* Московский печатный двор... 1652–1700 годы. Кн. 1. С. 252.

¹⁶ См.: Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА (1651–1675): Каталог. Вып. 3 / Сост. Л. Н. Горбунова, Е. В. Лукьянова. М., 2003 (выборка проведена по метке именного указателя «продавец бумаги»).